

УДК 81:39 + 81:327.1 + 316.74:81

М. О. Гузикова
Т. С. Вершинина**ЯЗЫКОВЫЕ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ И В ЕВРОПЕ:
КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

В данной статье обсуждаются вопросы регулирования межнациональных отношений в Европе и в России. Анализируется дуальный характер восприятия образов воображаемой общности как предмета идентификации и образ идентичности как иллюзия присутствия и одновременной утраты национального характера. Рассматривается опыт идентичности США и России; приводится обзор инструментов, способствующих созданию общеевропейского образовательного пространства; приводятся возможные варианты развития политики идентичности ЕС.

Ключевые слова: политическая идентичность, этническая общность, внешние деловые коммуникации, феномен идентичности, языковая политика, стандартизация языковых экзаменов, языковая идентичность, межкультурная компетенция.

Каждое отдельное европейское государство в настоящее время сталкивается с проблемой идентичности. По мнению Ф. Фукуямы [1], в Евросоюзе остро стоит проблема не только кризиса идентичности, но и идентичности Европы, что оборачивается ответственностью европейцев в отношении друг друга. После Второй мировой войны в течение первых десятилетий европейские государства полагали, что проблема национальной идентичности вряд ли может их коснуться. Однако нарастание иммиграционных процессов и повышение мультикультурализма актуализировали эту проблему.

Сегодня можно говорить о том, что распад Советского Союза выявил системный кризис в политической идентификации, что выражалось в неумеренном возмечивании местной интеллигенцией этнического и регионального самосознания в некоторых регионах и национальных республиках, причем с сожалением можно отметить, что не только подчеркивалась культурная или языковая самобытность этноса, но и стали проявляться ксенофобия, порой — антирусские настроения.

Феномен идентичности встроен в западную культуру по принципу подобия, при этом приверженцы «подлинной идентичности» находятся в постоянном поиске признаков положительного или отрицательного подобия, соответствия неуловимому образцу, имеющему в некотором смысле натуралистическое выражение. В сущности, и здесь нельзя не согласиться с Р. Бартом, речь идет о символическом измерении идентичности, выраженном в некоем мифе. Образ воображаемой общности как предмет идентификации вызывает дуальность ее восприятия. Образ идентичности всегда выступает как иллюзия присутствия национального характера и одновременно утраты такового.

В начале XXI в. политический ландшафт становится основой для любого рода проектов идентичности, особенно языковой, пересекающейся с идеолого-националистическими проектами со времен зрелого модерна. Языковые практики, как правило, в большинстве своем неразрывны с будничными коммуникациями

и превалирующими культурными ландшафтами, соответственно с их структурами и образами. Фон, выступающий основой для развития языковых идентичностей и их структуры, обусловлен превалирующей уличной речью, которую слышно в кафе, магазине, в толпе; ее можно прочесть на уличных вывесках или в киосках СМИ, на рекламных щитах; она существенно влияет на язык бизнес-коммуникаций, в том числе переговоров, учебных занятий, рекламы, телепрограмм, контента интернет-сайтов и др. Параллельно этому возможен и обратный направленный процесс влияния языковых идентичностей как на содержание, так и на структуры обыденных культурных ландшафтов, воздействующих на становление преобладающих географических образов страны либо территории [2].

В России, стране с многовековыми традициями сосуществования разных народов, а значит и разных культур и языков, на современном этапе существует правовая база, регулирующая национальные отношения (Конституция РФ, ФЗ «О национально-культурной автономии», «О ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств», «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», «О беженцах», «О государственном языке РФ», «О языках народов РФ» и др.). Языковые идентичности в бывших союзных республиках получили свое развитие в конце XX — начале XXI в. под влиянием как положительного, так и отрицательного имиджа постсоветского пространства вследствие избыточной политической символизации русского языка [3]. Глобализация оказала свое влияние на подобные представления. Нетрудно заметить, что буквально каждый язык на постсоветском пространстве, получивший статус государственного и обладающий на этом фоне отчетливыми институциональными привилегиями, попал в противоречивую ситуацию. С одной стороны, он характеризуется туземной (автохтонной) языковой идентичностью, которая вынуждена использовать для внешних деловых коммуникаций в обязательном порядке английский язык; с другой, возникли миксы языковых идентичностей, вынужденные для сохранения жизнестойкой национально-государственной идентичности воспроизводить русскоязычные практики в условиях ограниченного их культивирования.

Сегодня отсутствует эффективный механизм, способный решать вопросы регулирования отношений межнационального характера на государственном уровне. Процесс передачи значимых компетенций общегосударственного уровня субъектам Федерации спровоцировал эксплуатацию этнического аспекта в проведении выборных кампаний, выявил недостатки в решении разного рода жизненно важных проблем, среди которых можно назвать и организационные, и финансовые, и кадровые, и др. В некоторых случаях этническая корпоративность подменяла собой принципы законности, что приводило к росту недоверия к российским структурам федерального уровня и провоцировало противоположные представления о механизмах прекращения кризиса.

Исторический опыт России показывает, что существуют многообразные методы и подходы к решению национального вопроса. Главенствующую роль здесь всегда играло понимание многообразия культур, религий, языков и этносов, вследствие чего политика укрепления единства такого государства базировалась

на признании права каждой этнической общности на сохранение языка, культуры и т. д., т. е. на свою исключительную идентичность [4]. СССР выступает примером реальной языковой практики, соотносимой с европейским политическим проектом периода раннего модерна — «национальное государство». Нравственные устои многонациональной и многоконфессиональной РФ, складывавшиеся веками, сформировали в своих глубинах защитный аутомеханизм, усиленный сегодня правовыми нормами. Привлекает внимание отказ граждан бывшего Советского Союза от национальной идентичности «советский народ» в пользу региональной [5]. С сожалением следует заметить, что внедрение образов глобализации на всем пространстве бывшей советской империи во многом обусловлено модификацией таких западных лингвокультурных проектов, как франкофония, иберофония, которые в некотором смысле выступили в качестве своего рода образцов в идеологических исканиях бывших союзных республик [6]. При этом фрагментарно сохранившиеся в бывших республиках Союза советские культурные островки выступили опорой языковой идентичности, когда бывшее постсоветское пространство захлестнул ураган западного дискурса, приправленного идеологическими и культурными современными символами всех уровней — от домодерных до постмодерных. В начале XXI в. будущее постсоветского пространства связано с тем, какие формы интерпретации языковых идентичностей смогут выработать новые независимые государства ближнего зарубежья.

Можно утверждать, что языковая политика ЕС является средством или инструментом создания общеевропейской идентичности. Европейская гражданская идентичность, как и языковая политика, характеризуется своим дуализмом: в ней должны сочетаться национальный и наднациональный компоненты. Европейская языковая политика, направленная на разработку профиля языковой политики образования, стремится к сохранению европейского языкового разнообразия при внедрении общих стандартов так называемой Общеевропейской рамки языковых компетенций (Common European Framework of References-CEFR) и привязанных к этим компетенциям экзаменов на установление соответствия уровню владения языка.

Разработкой и внедрением казалось бы разнонаправленных профилей языковых политик занимается Council of Europe (Совет Европы). Следует отметить, что внедрение рамки языковых компетенций оказалось исключительно успешным предприятием. Это выразилось в появлении дискурса языковых уровней в формате A1 — C2, который вытеснил ранее общепринятые обозначения «начинающий», «продвинутый» и т. д. Можно с уверенностью утверждать, что эта шкала будет иметь общемировое распространение и массовое влияние, особенно в случае тех стран, где такой подход еще не существует или начинается его реализация. Однако во многих странах, где такая рамка в том или ином виде существует, были предприняты усилия для установления соответствий локальных параметров измерения европейским CEFR.

Стандартизацией языковых экзаменов занимается организация под названием «Европейская ассоциация экзаменационных советов по иностранным языкам ALTE» (Association of Language Testers in Europe). Фундамент этой ассоциации был заложен в основном тестологами Кембриджского языкового центра по приему

экзаменов, что нашло отражение в том, что языковые компетенции, разработанные в рамках этой ассоциации, несколько отличаются от общепризнанных европейских. Данное отличие в целом напоминает «особую» позицию Великобритании в рамках ЕС. Вообще, затронув «английскую» тему, можно констатировать, что, несмотря на все политические усилия по преподаванию в школах различных языков стран ЕС, этому сильно мешает расширение и вытеснение данных языков английским как языком глобального общения.

Совет Европы также прилагает усилия к развитию в рамках ЕС компетенции непосредственно, хотя и не всегда напрямую, связанной с языковой, а именно — межкультурной. Понятно, что в этом случае языковая политика стыкуется с политикой расширения языкового разнообразия, мультикультурализма и толерантности.

В рамках разработки и внедрения CEFR Совет Европы также разработал инструменты, облегчающие создание общеевропейского образовательного пространства и повышающие конкурентоспособность этого пространства среди студентов во всем мире. Это такие инструменты, как Европейское языковое портфолио (European Language Portfolio), шкала для самостоятельного определения уровня владения языком обучения (self-assessment grid). Последний инструмент, наряду с европейским стандартом резюме, популярен среди участников академической мобильности, и прежде всего в наиболее массовой европейской программе в этой области под названием «Erasmus Mundus/Erasmus+». Совет Европы также активен в области разработки языковой политики для взрослых мигрантов, где европейцы пытаются выработать совместные подходы. Оценивая европейскую языковую политику, можно сказать, что она, хотя и стремится к универсальности и частично, как уже говорилось выше, преуспевает, все же является специфичной для ЕС как закрытой экосистемы (термин заимствован из статьи И. Крастева и М. Леонарда [7]).

Подводя итоги, считаем возможным заключить, что феномен идентичности как таковой имеет двойную направленность: являясь инструментом для поддержания субъективной реальности отдельной личности, он может быть использован влиятельными социальными группами как инструмент социальной инженерии. Обращение к историческому опыту показывает, что этническая идентичность становится орудием в руках политиков, использующих национальные ценности в своих целях, обеспечивая себе социальную поддержку. Опыт американской идентичности, оформленной в дискурсе «исключительности их (американской. — М. Г., Т. В.) демократии», показывает, что, несмотря на внутренние культурные войны, он консолидирует американцев, как отмечал А. де Токвиль, в рамках так называемого «вынужденного согласия».

В качестве прогноза можно отметить, что дальнейшие тренды в данной политике испытывают сильную зависимость от общего вектора европейской политики. Национальное строительство на европейском уровне скорее невозможно, поскольку в некотором смысле Европе придется для этого повторить опыт Советского Союза, что сложно, поскольку потребуются объединить граждан европейских государств, наделенных разными расовыми, религиозными, национальными и другими характеристиками. Если вектор будет направлен в сторону углубления

наднационального начала, то одним из первых признаков этого может стать инициатива по созданию общих стандартов преподавания европейских языков в школе, по разработке единого европейского школьного языкового экзамена или других мероприятий.

1. Фукуяма. Ф. Проблемы европейской идентичности // Гефтер. 17.06.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://gefeter.ru/archive/9047> (дата обращения: 15.03.2015).

2. Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: Связь между языком и этничностью. М., 2007.

3. Сандомирская И. Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 50 (Венский альманах славистики. Спецвыпуск 50). Wien, 2001.

4. Русские и «русскость»: Лингво-культурологические этюды / сост. В. В. Красных. М., 2006.

5. Савоскул С. Этнополитические ориентации и гражданская идентичность населения Украины // Евразия. Люди и мифы: сб. ст. из журн. «Вестник Евразии» / сост., отв. ред. С. А. Панарин. М., 2003. С. 308–337.

6. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ (2002) / под ред. В. С. Маляхова, В. А. Тишкова. М., 2002.

7. Krastev I., Leonard M. The New European Disorder [Electronic resource]. URL: http://www.ecfr.eu/publications/summary/the_new_european_disorder322 (accessed: 12.03.2015).

Рукопись поступила в редакцию 21 августа 2015 г.

УДК 930(470):811.133.1 + 930(470):811.161.1

Е. П. Емельянов

ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НА ЗАРУБЕЖНУЮ РУСИСТИКУ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Н. В. УСТЮГОВА И Р. ПОРТАЛЯ

В статье рассматривается использование концепции «свободного вассалитета», созданной советским историком Н. В. Устюговым, в диссертации на соискание степени доктора гуманитарных наук, написанной французским историком Р. Порталем. Анализируется восприятие Порталем концептуальных положений статьи Устюгова «Башкирское восстание 1662–1664 гг»; показываются заимствования в диссертации Порталья из статьи Устюгова; исследуются различия в трактовке событий башкирской истории XVII в. в работах Устюгова и Порталья; выделяются причины, обусловившие следование французского историка работам советского автора.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советская историография, французская русистика, концепция «свободного вассалитета», Н. В. Устюгов, Р. Порталь.

Характерной чертой развития исторической науки в СССР являлась ее обособленность от зарубежной историографии, вызванная изоляционистским характером советской идеологии. Идеологизация науки не позволяла советским